

УДК 327.7

Факторы европеизации внешней политики государств – участников Европейского союза

А. М. Бетмакаев

Алтайский государственный университет, г. Барнаул

Аннотация. В статье анализируются факторы европеизации, понимаемой как возникновение, распространение и институционализация процедур, практик и норм, которые сначала определяются на наднациональном уровне Европейского союза, а затем инкорпорируются во внешнюю политику государств-участников с учетом национальных интересов и европейской идентичности.

Ключевые слова: интеграция, Европейский союз, европеизация, идентичность, внешняя политика.

Со вступлением в силу Лиссабонского договора в декабре 2009 г. внешняя политика Европейского союза не только получила новые должности (Председателя Европейского совета и Верховного представителя Союза по иностранным делам и политике безопасности), но и вступила в новую фазу своего развития. Договор стал новым, хотя и робким шагом к воплощению давней мечты европейцев, чтобы «Европа заговорила одним голосом», как было написано в октябре 1970 г. в «докладе Давиньона» [8, р. 76]. Это событие отражало сложный и многосторонний процесс европеизации, который охватил многие сферы деятельности государств – участников Европейского союза. Опираясь на теории европеизации, в нашей статье анализируется один из аспектов этого процесса – факторы европеизации внешней политики государств – участников ЕС.

Первоначально под европеизацией как историческим феноменом понимали «экспорт» европейской власти и социальных норм: имперский контроль, институциональную организацию и практики, социальные и культурные традиции, ценности и поведение. Термин «европеизация» используется историками, чтобы описать экспорт культурных норм и образцов. Имперский опыт Великобритании, Франции, Испании и Португалии включал распространение европейских норм и традиций в колониях [10, р. 6; 20, р. 937]. Такой подход широко распространен и в отечественной научной литературе, в которой европеизация воспринимается либо в качестве одного из вариантов модернизации и вестернизации «сверху», либо как процесс осознанного восприятия странами европейских норм и правил [1, с. 122–123]. В российской науке интерес к изучению процесса европеизации не оформился в самостоя-

тельное направление, исследователи ограничиваются изучением концепций и взглядов зарубежных ученых, не углубляясь в анализ отдельных сторон процесса европеизации [2; 3].

Между тем за рубежом накоплен значительный опыт в изучении не только общего процесса европеизации, но и его особенностей в отдельных сферах деятельности государств – участников Европейского союза. Начиная с попытки британского политолога Р. Ладреча в начале 1990-х гг. изучить влияние европеизации на внутреннюю политику Франции [15], круг вопросов, привлечших внимание исследователей европеизации, значительно расширился.

При всем разнообразии подходов многие зарубежные авторы подразумевают под понятием «европеизация» (Europeanization) возникновение, распространение и институционализацию формальных и неформальных правил и процедур, политических парадигм и стилей, убеждений и норм, которые сначала определяются и консолидируются на уровне политического процесса ЕС, а затем инкорпорируются в политику на национальном уровне. Применение понятия помогает исследовать воздействие ЕС на национальные правительства, объяснить процесс принятия решений ЕС и природу взаимоотношений между европейским (наднациональным) и национальным уровнями власти.

Вместе с тем было бы упрощением сводить плюрализм научных школ европеизации к двум подходам: «восходящему» (bottom-up), когда формирование общеевропейских норм происходит в результате их согласования государствами – участниками ЕС, и «нисходящему» (top-down), когда принципы и правила, утвержденные наднациональными институтами, передаются на национальный уровень.

Сингапурский профессор Рубен Вон выделил пять основных школ, предметом анализа которых был феномен европеизации. Европеизацию исследовали: 1) как национальную адаптацию (направление изменений «сверху вниз» – с наднационального на национальный уровень), 2) как проекцию национальной политики (изменения «снизу вверх» и горизонтально, передача власти на наднациональный уровень), 3) как реконструкцию идентичности (изменения «сверху вниз», социализация элиты), 4) как модернизацию (изменения «сверху вниз», демократизация, «вестернизация») и 5) как политический изоморфизм (изменения «снизу вверх» и горизонтально, эмуляция и трансфер политики) [27, p. 154].

При всех различиях в подходах исследователи фокусируются на двух уровнях – национальном, на котором происходит переориентация национальной политики до такой степени, что политическое и экономическое развитие ЕС становится частью организационной логики национальной политики, и наднациональном, где создаются и развиваются европейские управленческие структуры. Мы склонны согласиться с В. А. Латкиной, что европеизацию стоит рассматривать в качестве рамочной концепции, которая увязывает на основе взаимности внутренние и внешние аспекты развития европейской интеграции [3, с. 51].

Если думать, что европеизация является «родным ребенком интеграции ЕС» [16, p. 59], то ее история связана с историей европейской интеграции.

Истоки европеизации национальной внешней политики обнаруживаются в процессе становления и развития внешней политики ЕС, который прошел несколько этапов: от провала Европейского оборонительного сообщества и Европейского политического сообщества в середине 1950-х гг. к саммитам лидеров государств – участников ЕС в 1960-е гг., к Европейскому политическому сотрудничеству в 1970–1980-е гг., к общей внешней политике и политике безопасности (ОВПБ) в 1990-е гг. и к общей политике безопасности и обороны (ОПБО) в начале XXI в. Особое значение, по мнению греческого исследователя Феофаниса Эксадактилоса, имела ОВПБ, так как впервые был консолидирован наднациональный уровень принятия внешнеполитических решений еще до расширения ЕС на Восток и при участии его «старых» членов [9, р. 195–197].

Однако история европейской внешней политики интерпретируется по-разному. Первая группа исследователей рассматривает государства-участники в качестве ее основных акторов, в то время как другая подчеркивает роль наднациональных учреждений (например, Комиссии) и появление европейских интересов. Приверженцы первого – традиционного – подхода, сосредотачиваясь на внешней политике отдельных государств-участников, полагают, что Европа не является актором в международных отношениях, и поэтому в центре внимания должна находиться национальная внешняя политика. Сторонники второго подхода считают, что внешняя политика ЕС является реальностью. В то же время этот подход не отрицает важность внешней политики отдельных государств-участников и признает, что европейская внешняя политика не скоро вытеснит национальную внешнюю политику, в особенности в вопросах обороны и безопасности [27, р. 155–156].

Анализируя историю европейской внешней политики, британский исследователь Мартин Смит, сторонник второго подхода, выделяет стадии ее развития по линии «межправительственный форум – обмен информацией – разработка норм – создание организаций – управление» [23, р. 39]. Особое значение имел Лиссабонский договор, подписанный в 2007 г., который установил более эффективную структуру управления внешней политикой ЕС, находящуюся в сфере компетенции Верховного представителя Союза по иностранным делам и политике безопасности [25, р. 48–49].

Европеизацию национальных внешних политик можно также представить как конвергенцию внешней политики национальных государств: членство в ЕС привело к расширению межправительственного сотрудничества и консультациям между субъектами национальной внешней политики в рамках ОВПБ и, в настоящий момент, в рамках ОПБО.

Многие эксперты приводят доказательства конвергенции и координации внешней политики государств – участников ЕС, хотя и признают, что степень европеизации зависит от конкретного государства. Британский автор Кристофер Хилл и упомянутый выше Р. Вон выделяют семь степеней европеизации национальной внешней политики: 1) значительно европеизированная политика; 2) процесс европеизации развивается частично или медленно; 3) внешняя политика неустойчива по степени европеизации, либо во времени

или в смежных сферах; 4) национальная политика играет неизменно важную роль в движении к европеизации; 5) резистентна (устойчива) к европеизации, хотя может демонстрировать изменения; 6) деэвропеизация, т. е. избавление национальной внешней политики от ограничений, налагаемых европейской внешней политикой; 7) неевропеизированная внешняя политика [13, p. 211].

Вместе с тем одни зарубежные эксперты видят развитие европеизации внешней политики, прежде всего, в процессе и инструментарии; другие – в совместных действиях государств-участников. Эксперты приходят к выводу, что государства индивидуально реагируют на решения, согласованные совместно. Большинство специалистов также полагают, что малые государства ЕС имеют большие стимулы добиваться дальнейшей интеграции, чтобы снизить влияние более крупных субъектов в ЕС. Но не только этот мотив определяет их действия. Так, в сборнике статей «Члены Европейского союза» отмечается, что, например, Испания осуществляет модернизацию посредством европеизации, Швеция отказалась от евроскептицизма в пользу прагматизма, исходя из выгод европеизации, а Польша пытается использовать европейскую внешнюю политику для оказания влияния на своих восточных соседей [6; 17; 18].

В любом случае, сильная роль ЕС в мире потенциально выгодна для всех участников объединения, поскольку увеличивает международное влияние отдельных государств-участников. При этом и малые, и крупные государства ЕС должны были адаптировать свою внешнюю политику. Даже нейтральные (или внеблоковые) государства-участники Австрия, Швеция и Финляндия пересмотрели свою оборонную политику в ответ на ОВПБ и ОПБО [21].

Что касается ведущих государств ЕС – Франции, ФРГ и Великобритании, то эксперты подчеркивают различия в процессе европеизации внешней политики «большой тройки». Париж следует по пути «тихой» европеизации, Берлин ищет новый баланс сил в ЕС, а Лондон дрейфует от политики изоляции от европейской внешней политики к «особому пути» [4; 5; 22]. Ева Гросс из Института европейских исследований Брюссельского университета пишет об этих различиях: Франция продвигает национальные предпочтения на наднациональный уровень, Германия эволюционирует от роли свидетеля к роли соучастника в европейской внешней политике, а Великобритания балансирует между европеизмом и атлантизмом [12, p. 3–7]. К. Хилл и Р. Вон отмечают, что европеизация внешней политики Германии и Франции достигла первой из семи степеней, т. е. самой высокой, а Великобритании – третьей, т. е. неустойчивой европеизации [13, p. 218].

Европеизация как взаимодействие национального уровня (государства-участники) и наднационального уровня (ЕС) означает на практике, что взаимовлияние двух уровней усиливается посредством реконструкции европейской идентичности, которая изменяет национальные интересы и национальную идентичность. Под «реконструкцией идентичности» понимается социализация интересов и идентичностей, их пересечение (crossloading) [26, p. 325; 27, p. 158].

Реконструкция европейской идентичности была проанализирована в прикладном исследовании «Национальная и транснациональная публичные сферы: случай ЕС», в котором был сделан контент-анализ более 2 тыс. пуб-

ликаций пяти ведущих европейских газет за период с 1982 по 2003 г. По мнению авторов исследования, содержание статей на международные темы продемонстрировало отсутствие устойчивого положительного тренда к европеизации. Когда же в публикациях шла речь о международных институтах, то отмечался явный тренд к европеизации: европейские институты (ЕС, Европейская комиссия, Европейский совет и др.) стали предметом общественного дискурса. Что касается коллективной идентичности (по типу «мы, немцы/французы/датчане» или «мы, европейцы»), то сохраняются национальные различия: немецкая газета «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг» больше склонна к европейской идентичности, чем датская «Политикен», которая отдает первенство национальной идентичности [19]. Это исследование показывает, что процесс европеизации внешней политики государств – членов ЕС еще далек от своего завершения.

Кроме того, эксперты призывают не торопиться с положительной оценкой европеизации новых членов ЕС из Центральной и Восточной Европы, которые в 2004 и 2008 гг. вступили в Союз [7]. Стремление соответствовать нормам европейской внешней политики привело, например, в Румынии к ослаблению роли парламента и довольно ограниченному влиянию негосударственных акторов в сферах, затронутых европеизацией. Это вызывает удивление экспертов, поскольку ЕС считается демократической общностью, которая нацелена на усиление причастности гражданского общества к процессу принятия решений, но на практике укрепились позиции исполнительной власти [14, р. 82–83].

Впрочем, многие исследователи разделяют оптимистическое мнение Маркуса Тилиа, немецкого политолога из Международного университета Флориды, что европеизация государств – членов ЕС, т. е. их адаптация к законам и правилам ЕС и, в более широком смысле, к интеграции, представляет всеобъемлющий процесс, который характеризует современную общественную и политическую жизнь в Европе [24, р. 53]. Однако пессимисты призывают к более сдержанным оценкам. Существует мнение, что в нулевые годы во внешней политике ФРГ проявилась тенденция к деевропеизации [11].

Подводя итоги, отметим, что факторы европеизации не сводятся только к рассмотренным нами в статье (наднациональные институты и соглашения, национальные интересы, европейская идентичность). Хилл и Вон, например, относят к факторам, способствующим европеизации национальной внешней политики, также социализацию (личные отношения лидеров государств, неформальные встречи и преемственность элит) и легитимацию в глазах европейцев глобальной роли ЕС [13, р. 220–223]. Уделив внимание ключевым факторам, мы оставили анализ прочих факторов европеизации внешней политики государств – участников Европейского союза для будущих исследований.

Список литературы

1. Бордачев Т. А. Россия и Евросоюз: проблема европеизации / Т. А. Бордачев // Современ. Европа. – 2006. – № 4. – С. 120–129.

2. Громогласова Е. С. Концепция европеизации в зарубежной политологии / Е. С. Громогласова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25. Междунар. отношения и мировая политика. – 2010. – № 4. – С. 27–43.
3. Латкина В. А. Феномен европеизации в западноевропейских исследованиях / В. А. Латкина // Междунар. процессы. – 2013. – № 1(32). – С. 49–62.
4. Allen D. The United Kingdom: Towards Isolation and a Parting of the Ways? / D. Allen // The Member States of the European Union / ed. by S. Bulmer and C. Lequesne. – Oxford : Oxford University Press, 2005. – P. 108–133.
5. Beichelt T. Germany: In Search of a New Balance / T. Beichelt // The Member States of the European Union / ed. by S. Bulmer and C. Lequesne. – Oxford : Oxford University Press, 2005. – P. 85–107.
6. Copey N. Poland: An Awkward Partner Redeemed / N. Copey // The Member States of the European Union / ed. by S. Bulmer and C. Lequesne. – Oxford : Oxford University Press, 2005. – P. 186–212.
7. Denca S. S. Europeanization of Foreign Policy: Empirical Findings From Hungary, Romania and Slovakia / S. S. Denca // Journal of Contemporary European Research. – 2009. – Vol. 5. – Issue 3. – P. 389–404.
8. European Foreign Policy: Key Documents / ed. by Ch. Hill and K. E. Smith. – London : Routledge, 2000. – 499 p.
9. Exadaktylos T. Europeanization in Foreign Policy outside the Common Foreign and Security Policy / T. Exadaktylos // Research Design in European Studies: Establishing Causality in Europeanization / ed. by T. Exadaktylos and C. M. Radaelli. – New York : Palgrave Macmillan, 2012. – P. 195–220.
10. Featherstone K. Introduction: In the Name of «Europe» / K. Featherstone // The Politics of Europeanization / ed. by K. Featherstone and C. M. Radaelli. – Oxford : Oxford University Press, 2003. – P. 1–26.
11. Germany's EU Policy on Asylum and Defence: De-Europeanization by Default? / ed. by G. Hellmann. – New York : Palgrave Macmillan, 2006. – 238 p.
12. Gross E. The Europeanization of National Foreign Policy: Continuity and Change in European Crisis Management / E. Gross. – New York : Palgrave Macmillan, 2009. – 214 p.
13. Hill Ch., Wong R. Many Actors, One Path? The Meaning of Europeanization in the Context of Foreign Policy / Ch. Hill, R. Wong // National and European Foreign Policies: Towards Europeanization / ed. by R. Wong and C. Hill. – London : Routledge, 2011. – P. 210–232.
14. Jurie F. Europeanization and New Member States: A Comparative Social Network Analysis / F. Jurie. – London : Routledge, 2013. – 175 p.
15. Ladrech R. Europeanization of Domestic Politics and Institutions: The Case of France / R. Ladrech // Journal of Common Market Studies. – 1994. – Vol. 32. – Issue 1. – P. 69–88.
16. Marciacq F. The Political Geographies of Europeanisation: Mapping the Contested Conceptions of Europeanisation / F. Marciacq // Journal of Contemporary European Research. – 2012. – Vol. 8. – Issue 1. – P. 55–74.
17. Michalski A. Sweden: From Scepticism to Pragmatic Support / A. Michalski // The Member States of the European Union / ed. by S. Bulmer and C. Lequesne. – Oxford : Oxford University Press, 2005. – P. 161–185.
18. Morata F. Spain: Modernization Through Europeanization / F. Morata // The Member States of the European Union / ed. by S. Bulmer and C. Lequesne. – Oxford : Oxford University Press, 2005. – P. 134–160.

19. National and Transnational Public Spheres: the Case of the EU / B. Peters [and others] // *Transformations of the State?* / ed. by S. Leibfried and M. Zürn. – Cambridge : Cambridge University Press, 2005. – P. 139–150.

20. Olsen J. The Many Faces of Europeanization / J. Olsen // *Journal of Common Market Studies*. – 2002. – Vol. 40. – Issue 5. – P. 921–952.

21. Rieker P. Europeanization of National Security Identity: The EU and the Changing Security Identities of the Nordic States / P. Rieker. – London : Routledge, 2006. – 240 p.

22. Rozenberg O. France: Genuine Europeanization or Monnet for Nothing? / O. Rozenberg // *The Member States of the European Union* / ed. by S. Bulmer and C. Lequesne. – Oxford : Oxford University Press, 2005. – P. 57–84.

23. Smith M. E. Europe's Foreign and Security Policy: The Institutionalization of Cooperation / M. E. Smith. – Cambridge : Cambridge University Press, 2004. – 308 p.

24. Thiel M. The Limits of Transnationalism: Collective Identities and EU Integration / M. Thiel. – New York : Palgrave Macmillan, 2011. – 244 p.

25. Verola N. The New EU Foreign Policy under the Treaty of Lisbon / N. Verola // *The Foreign Policy of the European Union: Assessing Europe's Role in the World* / ed. by F. M. Bindi. – Washington : Brookings Institution Press, 2010. – P. 41–50.

26. Wong R. Foreign Policy / R. Wong // *Europeanization: New Research Agendas* / ed. by P. Graziano and M. P. Vink. – New York : Palgrave Macmillan, 2007. – P. 321–334.

27. Wong R. The Europeanization of Foreign Policy / R. Wong // *International Relations and the European Union* / ed. by C. Hill and M. Smith. – 2d ed. – Oxford : Oxford University Press, 2011. – P. 150–170.

The Europeanization Factors of the Foreign Policy of the EU Member States

A. M. Betmakaev

Altai State University, Barnaul

Abstract. The article analyzes the factors of Europeanization that is viewed as formation, spread and institutionalization of procedures, practices and norms. They are first determined at the supranational level of the EU, and then incorporated into foreign policy of the member states taking into consideration national interests and European identity.

Keywords: integration, European Union, Europeanization, identity, foreign policy.

Бетмакаев Алексей Михайлович

*кандидат исторических наук, доцент,
кафедра всеобщей истории*

и международных отношений

Алтайский государственный университет

656031, г. Барнаул, ул. Шевченко, 82–2

тел.: 8(3852)622627

e-mail: btmkv@yandex.ru

Betmakaev Aleksey Michailovich

*Candidate of Sciences (History), Associate
Professor, Department of World History*

and International Relations

Altai State University

82–2, Shevchenko st., Barnaul, 656031

tel.: 8(3852)622627

e-mail: btmkv@yandex.ru